

Горячее, влажное дыхание Лу Юя коснулось шеи Лоу Цинъяня, вызывая волну смутного, тревожного беспокойства. Кожу неприятно защекотало.

Лоу Цинъянь мгновенно осознал, какая участь его ждет, и спина его невольно натянулась тетивой. Отныне каждый его шаг, каждое движение будут подвластны чужой воле.

Лу Юй приподнял бровь:

— Что такое? Ведь шисюн сам это сказал.

— погоди, мне кажется, произошло недоразумение... — Лоу Цинъянь натянуто улыбнулся, пытаясь отстраниться.

Но стоило ему шевельнуться, как вьевающиеся в плоть железные звенья натянулись, причиняя резкую боль. Он судорожно перевел дыхание, сквозь зубы втянув холодный воздух.

Лоу Цинъянь был слеп и не мог видеть, как исказилось благородное, обычно бесстрастное лицо императора, каким туманным, полным темной страсти стал его взор.

— Какое еще недоразумение? — тихо спросил Лу Юй, наклоняясь почти к самым его губам. Его голос звучал ласково, убаюкивающе. — Ничего страшного. Шисюн, скажи мне все прямо здесь. Поговорим — и все разрешится.

С этими словами он перехватил свисавшую с шеи Лоу Цинъяня тяжелую цепь и резко потянул на себя.

— Постой... — Лоу Цинъянь не успел договорить: рывок увлек его прямо в объятия Лу Юя.

Ощувив чужое тепло, Лоу Цинъянь ошеломленно замер, оборвав фразу на полуслове. Лу Юй осторожно слизнул каплю крови, запекшуюся в уголке губ пленника, и прошептал:

— Так есть ли между нами недоразумение?

Кровь хлынула к лицу, и бледные щеки Лоу Цинъяня мгновенно вспыхнули густым румянцем. Лишенный зрения, он лишь сейчас, слишком поздно, почувствовал исходящую от юноши хищную, смертоносную угрозу. В темноте раздался тихий смешок, обдавший ухо влажным жаром. Губ коснулось едва уловимое, нежное прикосновение.

В этом вкрадчивом шепоте таилось опасное, бурлящее течение.

«Стоит мне сейчас перечить ему, оспорить его волю, и я окончательно потеряю власть над собственной судьбой».

— Нет... никаких недоразумений нет.

Лу Юй довольно улыбнулся:

— Вот и славно.

От этого тихого смеха у Лоу Цинъяня по спине побежали мурашки.

Лу Юй не стал больше ни о чем расспрашивать. Он протянул руку и стянул с лица Лоу Цинъяня черную повязку. Вспышка света болезненно ударила по отвыкшим от солнца глазам. Жмурясь и морщась от рези, Лоу Цинъянь невольно отвернулся.

Послышался щелчок — Лу Юй отключил рычаг, управлявший цепями на стене. Железные путы, готовые разорвать плоть при малейшем движении, разом ослабли. Лоу Цинъянь облегченно выдохнул и бессильно опустился на пол. Но передышка была недолгой. Лу Юй вновь натянул цепь у него на шее, заставляя поднять голову и посмотреть ему в лицо.

Ослепленные светом зрачки никак не могли сфокусироваться. В полумраке каземата светлые глаза императора казались бездонными, пугающе черными омутами, в которых невозможно было ничего прочесть. Весь мир сузился для Лоу Цинъяня до этих двух темных, немигающих точек. Под сводами темницы снова зашелестел тихий смех.

Лоу Цинъяня словно окатило ледяной водой.

«Если он отключил механизм, почему до сих пор не освободил меня?»

Дурное предчувствие ледяными пальцами коснулось затылка. Лоу Цинъянь почувствовал, как чужие пальцы требовательно и неторопливо скользнули по его телу. Ситуация была до предела нелепой. Он ведь уже смирился со своей участью, но проклятое задание системы будто нарочно заставляло его вновь пробудить уязвленную гордость и вступить в борьбу.

— Кх... кхм... — Лоу Цинъянь содрогнулся в приступе надрывного кашля.

Сгустки запекшейся крови, скопившейся в груди после отчаянной попытки разорвать Формацию Железных Цепей, хлынули горлом. Он кашлял так тяжело, словно его легкие разрывались на части, и темная, почти черная влага тонкими струйками потекла по подбородку.

Лицо Лу Юя в миг утратило всю былую безмятежность:

— Здесь кто-то был до меня?

Лоу Цинъянь не успел ответить — сознание покинуло его, и он тяжело повалился вперед.

Сквозь вязкий туман беспамятства он смутно ощущал, как с него снимают тяжелые цепи. Сильные руки бережно приподняли его, унося прочь из сырых казематов императорской тюрьмы. До уха доносился бешеный, прерывистый стук сердца в груди Лу Юя.

«Надо же, у паршивца все-таки есть сердце».

* «Скажи-ка, если Лу Юй прознает, что ты просто притворяешься, дабы спасти свою шкуру, что он с тобой сделает?»* — подал голос системный помощник.

* «Заткнись».*

Четыре дня спустя

Лоу Цинъянь сидел на невысокой кушетке, зябко кутаясь в просторное белое одеяние. Выглядел он изнеможенным и бледным.

За окном кружила густая метель. Благодатный зимний снегопад обещал столице обильный, мирный год, и лишь этот крошечный уединенный дворик казался заброшенной, заваленной сугробами хижиной в глухих горах.

Весть о том, что опасного государственного преступника освободили из императорской тюрьмы, всколыхнула весь двор. Придворные сановники не на шутку встревожились. Шутка ли — в безумном порыве Лоу Цинъянь умудрился высвободить силу, равную мощи Ступени Великого Хаоса. Кто в здравом уме отважился бы выпустить на волю подобного монстра?

Однако Лу Юй непреклонно подавил любое недовольство. Он лично вывез пленника из Императорской тюрьмы и приказал лучшим придворным лекарям заняться его ранами. Для чиновников подготовили официальное объяснение: Лоу Цинъянь — единственный ключ к поискам Амулета Небесного Орла. Что же касается внезапного пробуждения силы Ступени Великого Хаоса, то это была лишь кратковременная вспышка, сокрушительный откат от которой едва не лишил его жизни.

Ради Амулета, ради блага Великой Ся бывший верховный жрец должен был жить. Лоу Цинъяня поселили в загородной усадьбе. Крошечный, едва ли в два му, клочок земли взяли под неусыпный надзор лучшие лазутчики и весь личный состав Седьмой императорской гвардии.

Лишь тогда ропот при дворе поутих.

Лоу Цинъянь прекрасно понимал: в словах государя истина тесно переплелась со сладкой ложью. А вот сколько в этом решении было государственных соображений, а сколько — личной прихоти, ведал один лишь Лу Юй. Да и кем он сам теперь являлся в этой усадьбе —

государственным преступником под надзором или тайным фаворитом в золотой клетке — тоже оставалось загадкой.

Думать об этом Лоу Цинъяню совершенно не хотелось.

* «Лу Юй навещает тебя четыре дня кряду. Ты и дальше намерен притворяться бесчувственной куклой всякий раз, как он переступает порог?»* — язвительно осведомилась Система.

«...»

* «День-другой ты выиграешь, но ведь вечно бегать от него не получится».*

* «В этой усадьбе за каждым моим вздохом следят сотни глаз. Лу Юй давным-давно знает, что я пришел в себя. Он просто понимает, что я не хочу его видеть, и подыгрывает мне, не желая устраивать сцену».*

* «Решил поиграть с императором в гляделки? Кто первым не выдержит и подаст голос?»*

* «Куда мне с ним тягаться, моя жизнь целиком в его руках. Раз уж он не торопится переходить черту, мне это только на руку. Каждый спокойный день — уже победа».*

* «Не забывай, у тебя есть миссия».*

* «Хватит зудеть над ухом! Был бы ты расторопнее хотя бы на пару минут, мне не пришлось бы сейчас гореть от стыда!»*

Другие соблазняют правителей ради власти и сказочного богатства; на худой конец — ради шпионажа или возможности вонзить кинжал в спину августейшего любовника. Он же, судя по всему, рисковал снискать славу самого амбициозного наложника в истории: крутить интрижку с государем и одновременно примеряться к его трону — затея поистине дерзкая.

Однако узурпация престола — это не просто убийство венценосного соперника. Прежде всего требовалось сколотить собственную верную армию, готовую по первому слову пойти в огонь и в воду. Но судя по тому, как плотно Лу Юй обложил его заботой и стражей, бывшему жрецу светила незавидная участь безвольной птицы в золотой клетке гарема.

«Сложная игра на выживание», — думал он. Радостно завершив вводное задание, он внезапно обнаружил себя посреди крошечного ада, где ко всему прочему напрочь растоптали его мужское самолюбие.

Лоу Цинъянь принялся мысленно подсчитывать свои скромные ресурсы: вздорный, бесполезный помощник в голове, смазливое лицо...

И демонический клинок, из-за которого он и угодил в эту ловушку. Говорили, едва Лоу Цинъянь коснулся оружия, как оно растворилось в воздухе. Осторожно проведя пальцами по затылку, он нащупал у самого основания шеи крошечный, едва заметный бугорок. Системная панель подсказала, что это древнее проклятое оружие зовется «Скрытой Стрелой» и теперь оно свило гнездо прямо в его теле. Однако все попытки призвать призрачную сталь обратно не увенчались успехом.

Опереться было решительно не на что. Положение казалось безнадежным.

Раздался тихий, несмелый стук в дверь.

Лоу Цинъянь мгновенно соскользнул с кушетки, юркнул под одеяло и затих, напустив на себя отсутствующий вид тяжелобольного.

Системный наставник попытался было снова что-то съязвить, но Лоу Цинъянь без лишних церемоний отправил его в безмолвный черный список. Пожалуй, это была единственная полезная функция его ментального интерфейса — возможность заткнуть надоедливый внутренний голос, вечно изъясняющийся полупонамеками.

Дверные петли негромко заскрипели, впуская в комнату морозный воздух. Обычно в этот час наведывался Лу Юй, однако шаги вошедших звучали совсем иначе.

Лоу Цинъянь едва заметно приоткрыл один глаз. По комнате, тихо перешептываясь и воровато озираясь, крались две фигуры. Очертания их показались ему смутно знакомыми.

Присмотревшись, он узнал в незваных гостях Сяо Аньцзы и Инъин.

Лоу Цинъянь тут же сбросил притворную немощь и резко сел в постели:

— Вы как здесь оказались?

Те от неожиданности подпрыгнули на месте. Глаза Инъин мгновенно наполнились слезами, и она с глухим стуком упала на колени:

— Простите меня, господин Лоу! Ничтожная рабыня и помыслить не могла, что это вы! Я... я ведь сама доносила императору обо всем... О, если бы я только знала, что вы все это время были рядом! Я погубила вас... о горе мне, горе!

Девушка безутешно разрыдалась. Лоу Цинъянь лишь беззвучно вздохнул. Стоявший подле нее Сяо Аньцзы сокрушенно покачал головой:

— Господин Лоу, Его Величество повелел нам отныне преданно заботиться о вас. Император освободил нас от дворцовой службы и приказал до конца дней оставаться в этой усадьбе.

— Позвольте угадать: Лу Юй приставил вас ко мне в качестве соглядатаев, дабы вы ежедневно строчили ему отчеты о каждом моем шаге? — усмехнулся Лоу Цинъянь, насквозь видя замысел воспитанника.

Пойманные с поличным, слуги замерли в неловком молчании, не зная, куда деть глаза. Лоу Цинъянь лишь махнул рукой, избавляя их от пытки оправданиями:

— Ладно уж, ступайте. Я знаю, что у вас не было выбора. Занимайтесь своими делами.

С этими словами он вновь повалился на кушетку, прижал к груди теплую жаровню и застыл каменным изваянием, твердо вознамерившись не шевелить и пальцем.

С появлением слуг в усадьбе затеплилась жизнь. Лу Юй больше не докучал своими визитами, и натянутые до предела нервы Лоу Цинъяня постепенно расслабились.

Дни бежали незаметно. С того памятного освобождения из Императорской тюрьмы пролетело уже больше десяти дней. За это время Лоу Цинъянь успел немного окрепнуть и набрать вес. Под настойчивым натиском Сяо Аньцзы и Инъин ему пришлось сменить привычное затворничество на кушетке на неспешные, ленивые прогулки по заснеженному саду.

* «Неужели ты окончательно сдался?»* — подала голос Система.

* «Я просто наслаждаюсь последними крупичками покоя».*

* «Что ты имеешь в виду?»*

В этот момент тишину усадьбы нарушил уверенный, глухой стук в ворота. Лоу Цинъянь тяжело вздохнул. Он давно ждал этого визита.

«Вот и все. Час пробил».

По его подсчетам, время десятого великого жертвоприношения Амулету Небесного Орла было на исходе. Лу Юй просто не мог не явиться. Если верить предначертанному сюжету, после этой церемонии столицу захлестнет волна кровавого хаоса, и о мирной жизни можно будет позабыть навсегда.

Лоу Цинъянь твердо решил держать себя в руках. Каким бы непредсказуемым ни был император, он не станет переходить границы дозволенного в столь переломный момент. Ему нужно было собраться с силами перед грядущей бурей.

С этой мыслью он уверенным шагом подошел к дверям и распахнул их настежь:

— Я давно ждал тебя. Нам нужно обсудить предстоящее жертвоприношение...

Но слова замерли у него на губах — он понял, что поспешил с выводами.

На пороге стоял вовсе не император. Лицо незнакомца неуловимо напоминало черты Лу Юя, но в нем было больше зрелой, хищной холёности. Заметив замешательство хозяина усадьбы, гость прищурился и негромко рассмеялся:

— Господин Лоу, признаться, этот князь тоже истосковался по встрече с вами.

«Это еще кто такой?..»

Лоу Цинъянь поспешно вызвал мысленную панель интерфейса, и по его спине скользнула струйка ледяного пота.

Князь Янь.

Старший брат императора. Тот самый мятежный великий князь, с которым он, согласно сюжету, должен был плести тайные заговоры, дабы низвергнуть Лу Юя с престола.

«Какого черта он явился именно сейчас? Да еще так открыто, среди бела дня?»

«Где, во имя всех богов, хваленая стража Седьмой императорской гвардии?»

Пока Лоу Цинъянь судорожно пытался сообразить, что происходит, князь Янь внезапно шагнул вперед, бесцеремонно схватил его за руку и горячо сжал ладони в своих:

— Господин Лоу, пусть государь оказался слеп и глух к вашим достоинствам, этот князь никогда не оставит вас в беде только потому, что вы лишились прежней власти.

«Вы что, в вашей императорской семейке все изъясняетесь в столь извращенной манере?»

И в этот самый миг из-за угла усадьбы донесся леденящий душу, до боли знакомый голос:

— Кажется, мы явились не вовремя.

Тяжелый, удушающий взгляд, обещающий скорую и мучительную расправу, впился в ладони Лоу Цинъяня, все еще зажатые в руках князя Яня.

«...»

«Откуда в его голосе столько яда и ревности?»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19817/2007555>